

Глава 8

Я должен был признать, что в том, что мы делали, было что-то глубоко эротическое. По крайней мере, для меня. Я не мог представить, как это так для Карен, но зачем еще она заставляла меня это делать?

Карен сказала: - Я обещаю быть хорошей с этого момента. Ты же не будешь меня шлепать, правда?

Я перешел в позу шлепка. - Немного поздновато для этого обещания. Ты была плохой девочкой и заслуживаешь, чтобы тебя отшлепали. Я не сильно отшлепал тебя на прошлой неделе, но на этот раз я собираюсь отшлепать тебя сильнее.

- Нет, Марк. Пожалуйста, Боже, нет! Я твоя младшая сестра! - Сказав это, она пошевелила задницей, превратив ее в очень заманчивую мишень. У моей сестры была отличная попка, маленькая, с едва заметными изгибами.

Я легонько шлепнул Карен. - Это было больно, не так ли?

- Да, так оно и было. Пожалуйста, остановись, Марк! - Она снова пошевелила задницей. Я чуть не рассмеялся.

Я снова шлепнул ее по зад, сказав "Бах!", когда нанес удар.

- Это так больно, Марк!

Я шлепнул ее еще два раза, и после каждого раза Карен покачивала задницей передо мной. Теперь это было глупо, глупо весело.

Я сказал: - На этот раз я действительно отшлепаю тебя как следует. Ты не сможешь сидеть неделю после этой порки. - Я шлепнул ее немного сильнее, но не намного.

Я нечаянно оставил свою руку на ее ягодице после последнего шлепка. Когда Карен пошевелила задницей, моя рука скользнула назад и вперед по ее ягодицам.

- Теперь ты меня лапаешь! Это так унижительно, Марк, - она крепче прижала свою попку к моей руке и еще немного пошевелила ею.

И снова я подавила желание рассмеяться. Это было так безумно. С чего бы ей хотеть, чтобы я лапал ее зад?

Я сказал: - Ну, простая порка была недостаточно хорошим уроком. Может быть, то, что я лапаю тебя, научит тебя быть хорошей девочкой.

Я хорошенько сжал ее зад, а затем снял наручники с балюстрады. Карен бросилась наверх, все еще с наручниками на запястьях.

Я усмехнулся. Неважно. Карен подыгрывала мне на прошлой неделе, так что я подыграл ей на этой неделе. Я пошел на кухню, чтобы посмотреть, что было в меню. Как только я прочитала инструкцию к сегодняшней запеканке, я установила таймер на то, когда я должен был поставить ее в духовку, а затем сел в гостиной со своей книгой.

* * * *

Я начал беспокоиться о Карен, когда она оставалась наверху, пока не был готов ужин. Когда она спустилась, она вся сияла улыбкой, так что я расслабился. За ужином мы обменялись нашими обычными колкостями, но теперь доставка была больше похожа на нежное поддразнивание. Я не спускал глаз с мамы, чтобы посмотреть, заметила ли она больше беззаботности в наших колкостях. Она вздыхала и закатывала глаза, как всегда раздраженная тем, что ее дети не ладят.

Когда Карен закончила ужинать, она сказала маме: - Я собираюсь испечь немного печенья.

- Какого типа? - спросил я.

- Не твое дело. Они не для тебя, - она повернулась к маме. - Я собираюсь завтра к Гвен и подумала, что возьму с собой немного.

- Карен, - сказала мама своим многострадальным голосом. Она медленно сказала: - Если ты делаешь печенье, то должна дать немного своему брату. Было бы невежливо не сделать этого.

- Мне обязательно это делать? - спросила Карен с намеком на скулеж.

- Да, ты знаешь, - медленно и твердо сказала мама.

Моя сестра вздохнула и пошла на кухню. Мама убежала в гостиную и почувствовала эмоциональное тепло канала "Холлмарк". Я спросил Карен: - Тебе нужна какая-нибудь помощь?

- Нет, я в порядке. Я собираюсь испечь шоколадное печенье. Это тот тип, который понравится моим друзьям. - А потом она подмигнула мне.

Я взял книгу и читал за обеденным столом. Когда первая порция печенья была съедена, Карен принесла мне полную большую тарелку и стакан молока. Она широко улыбнулась мне и сказала: - Хочешь еще печенья?

Я улыбнулась в ответ. - Нет. Я наелся.

Я покачал головой. Моя сестра была такой чокнутой. Как бы то ни было. Пока она была счастлива, я не собирался беспокоиться о том, что мы сделали.

* * * *

Все вернулось на круги своя. У Карен был свой единственный вечер сумасшествия, а затем она снова стала моей обычной, раздражающей младшей сестрой.

До следующего четверга. Когда я вошел в дверь, то почувствовал запах свежее испеченного хлеба. Карен стояла рядом со столиком у входа в другом сексуальном вязаном топе. Мы играли в ее игру так же, как и неделю назад, хотя на этот раз мне удалось больше повысить голос, и это продолжалось немного дольше. А после ужина Карен подала мне большой кусок шоколадного торта.

В четверг после этого я пришел домой, и нашел Карен в еще одном сексуальном вязаном топе, но на столике в прихожей не было манжет. После того, как я "разозлился", Карен побежала в столовую, где были наручники. Я отшлепал ее со связанными за спиной руками, пока она лежала поперек обеденного стола. Это было самое долгое и жаркое действие из всех, что когда-либо были.

После ужина, когда я снова ел печенье, я сказал Карен: - Знаешь, чего я хочу больше, чем твоих вкусных десертов?

- Что?

Мы стояли бок о бок на кухне, перегнувшись через прилавок. Мама смотрела канал "Холлмарк" в гостиной. Мы с Карен разговаривали тихо, как заговорщики. - Меня тошнит от одних и тех же старых запеканок. Я подумывал о том, чтобы попробовать приготовить свою собственную с нуля, но я ничего не смыслю в кулинарии. Как ты. Если бы ты могла готовить одну запеканку в неделю, это было бы замечательно. - Карен выглядела задумчивой, поэтому я добавил. - Послушай, я сделаю все, чтобы помочь - достану ингредиенты, схожу в магазин. Ты назовешь то, что нужно, я покупаю.

- Дай мне подумать об этом. - Карен некоторое время выглядела задумчивой, а затем сказала: - Ты знаешь, у меня довольно высокая переносимость боли. - Она сказала, что с таким видом я как раз собиралась об этом заговорить, и сейчас, кажется, самое подходящее время.

- У тебя высокая толерантность к боли? - Я не понял ее смысла.

- Ага. И я думаю, что с женщинами, которые довольно миниатюрны, парни склонны возиться. Я не из Китая. Я знаю, как не обращать внимания на боль. Я думаю, что парни, тренирующиеся с бегуньями-женщинами, слишком беспокоятся о том, чтобы не навредить им, и не давят на них достаточно сильно.

Я изо всех сил пытался понять, что говорила моя сестра. Зачем ей говорить со мной о парнях, тренирующих бегуний-женщин? Я не тренировал женщин-бегунов. Я не имел никакого отношения к ее бегу. То, что она говорила, не имело смысла.

Внезапно меня осенило - она говорила об игре? Мы никогда об этом не говорили. Она говорила о тренировках, потому что не хотела говорить напрямую об игре? Возможно. Что тогда будет означать высокая толерантность к боли? Внезапно до меня дошло - она говорила, что хочет, чтобы я отшлепал ее посильнее, что она могла бы справиться с болью, если бы я отшлепал ее посильнее. Это была единственная часть игры, в которой она испытывала боль.